
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.97

Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные»*

К. Д. Титаев, Д. А. Скугаревский, А. В. Кнорре,
В. Е. Кудрявцев, М. С. Шклярчук

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1 лит. А

Для цитирования: Титаев, Кирилл Д., Скугаревский, Дмитрий А., Кнорре, Алексей В., Кудрявцев, Владимир Е., Шклярчук, Мария С. 2018. «Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные»». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 91–101. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.107>

Институт проблем правоприменения совместно с Центром стратегических разработок подготовили Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные». Он подчеркивает роль новых технологий анализа количественных данных в развитии практико-ориентированных криминологических исследований. Манифест призван показать, как применять количественные исследования для получения новых сведений о природе преступности и уточнения отечественной уголовной политики.

Ключевые слова: криминология, статистика, количественные методы, революция доверия.

Исторически в России (и в других странах, вышедших из социалистической правовой семьи) криминология оказалась частью юридических, а не общественных наук на границе с правом (как это произошло в странах континентальной и англосаксонской систем права). В результате сегодня российская криминология ориентируется скорее на нормативный анализ и качественные исследования, ее не коснулась методологическая революция общественных наук. Так называемая революция доверия (*credibility revolution*), связанная с развитием методов анализа количественных данных, существенно изменила понимание преступности в мире после 1990-х гг. Настоящая статья не отрицает других направлений развития криминологической науки, но подчеркивает роль новых технологий сбора, хранения и анализа количественных

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01618).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

данных в развитии практико-ориентированных криминологических исследований. Новой количественной криминологией мы называем работу с дезагрегированными данными (детализированными до конкретного преступления или преступника) с опорой на современные статистические методы поиска причинно-следственных связей в экспериментальных и неэкспериментальных данных. «Революцией доверия» называют рост внимания эмпирических исследователей к вопросам дизайна исследований. Центральным требованием к исследованию становится его способность обнаруживать достоверные причинно-следственные связи, выводимые из наблюдаемых данных. Термин был предложен в 2010 г. (Angrist and Pischke 2010). Исследования влияния смертной казни на общую превенцию служат ярким примером того, какой путь — от простых корреляций до квазиэкспериментальных дизайнов исследований — прошли криминологи и экономисты (Dharmapala 2016). В отечественной же криминологической науке практически отсутствуют продвинутое методы статистического анализа, работа с первичными данными, анализ текстов судебных актов. Именно поэтому криминологические результаты — понимание реальных механизмов противоправного поведения — редко становятся основой для формирования и развития уголовной политики. Сама уголовная политика в России также оказывается на периферии дискуссии об уголовном праве и процессе, поскольку не может предъявить в качестве своих оснований внятных сведений о том, что происходит с преступным поведением и противодействием преступности в стране и мире. В мировой же практике уголовная политика опирается на криминологический анализ, а криминология, наряду с методами качественных исследований, широко использует результаты анализа больших массивов количественной информации.

Тем не менее многие идеи современной криминологии, опирающейся на данные, обсуждались в советской криминологии. Например, В. Н. Кудрявцев определял основную исследовательскую программу криминологии как необходимость «обрисовать схему причинных связей в области преступного поведения, указать на те из них, которые имеют наибольшее значение», при этом одним из центральных методов, которые он предлагал, было статистическое раскрытие социальных причин преступности. Однако круг исследовательских вопросов был ограничен доступностью данных и слабым знанием методов статистического анализа (в частности поэтому многие исследования проводились на материалах опросов заключенных, которые давали смещенную картину реальности) (Кудрявцев 2002, 12).

Мы уверены, что в основе любой правоохранительной деятельности должна лежать внятная и явно сформулированная уголовная политика, включающая в себя:

- знание о том, что происходит с противоправным поведением в стране;
- четко сформулированное отношение государства и общества к тем или иным формам криминального поведения (какие из них считаются более опасными, а какие — менее);
- представление о том, какие преступления необходимо предотвращать в первую очередь;
- понимание того, какими средствами должно осуществляться это противодействие, чтобы быть максимально эффективным (на уровне как специальной, так и общей превенции) для каждой группы преступлений;
- оценку того, какие возможности для такой превенции (ресурсные и практические) есть у существующей правоохранительной системы.

В основе уголовной политики должно лежать объективное эмпирическое знание о том, что происходит с преступностью и не в меньшей степени о том, как на практике работает правоохранительная система. Разработать такую уголовную политику невозможно без работы с современными методами количественного анализа — новой количественной криминологии.

Выстраивание уголовной политики с опорой на объективные данные, проанализированные современными методами, позволит достичь сразу нескольких важных результатов:

- средства, которые общество тратит на контроль преступности, будут распределены более рациональным и эффективным образом (общество должно тратить ресурсы на превенцию наиболее опасных деяний, поскольку искоренить противоправное поведение вовсе невозможно, как показал Г. Беккер еще в 1968 г. (Becker 1968));
- инструменты воздействия на преступность станут более эффективными и точечными (поскольку мы получаем информацию о том, как они воздействуют на общую криминальную ситуацию в стране на уровне отдельных поступков отдельных людей);
- законодательство в сфере уголовного права и процесса станет стабильным и предсказуемым, так как меняется не под властью сиюминутных обстоятельств, а в логике поступательного развития;
- как итог общество станет безопаснее, а правоохранительная система — эффективнее.

Для того чтобы достичь этих результатов, необходимо создать прочный фундамент — количественную криминологию, опирающуюся на данные и тем самым дающую основания для выстраивания адекватной уголовной политики. При этом формирование новой количественной криминологии только в рамках ведомственных структур рискует повлечь неадекватное использование ресурсов. Применение современных методов анализа требует постоянной профессиональной дискуссии, в том числе методической. Собрать требуемое количество специалистов внутри ведомственных структур невозможно. Одновременно получение ответов на вопросы о том, что наиболее опасно для общества на текущем этапе, требует широкой публичной дискуссии. Поэтому в развитие новой криминологии должны быть вовлечены широкие академические и общественные круги. Для создания новой количественной криминологии необходимо сделать несколько шагов.

Во-первых, нужно выделить *общественные ресурсы* (речь идет не столько о прямом финансировании, сколько о доступе к данным, организации их сбора и хранения) для поступательного развития отечественных криминологических исследований. Это предполагает создание возможностей для отдельных ученых и научных групп по проведению криминологических исследований на современном научном уровне. Необходимо выделять ресурсы для сбора первичных криминологических данных, прежде всего виктимизационных опросов, которые являются наиважнейшим инструментом независимой оценки уровня преступности и работы правоохранительных органов. Такие инициативы не дадут быстрых результатов, но позволят постепенно наращивать общественное знание о криминальной ситуации, которое в какой-то момент станет важным источником практической экспертизы.

Во-вторых, данные о преступности, деятельности правоохранительных органов, судимости, работе пенитенциарной системы должны быть *открыты в дезагрегированном виде*, когда анонимизированные первичные данные с детализацией до преступления / обращения гражданина / преступника размещаются в открытом доступе, для чего проводится нормативное регулирование вопроса публикации таких данных. Современные методы анализа предполагают опору на дезагрегированные данные. Без открытия таких данных адекватная исследовательская работа невозможна.

В-третьих, необходимо *эксплицировать методологию сбора данных* — для каждого показателя должны быть описаны субъект фиксации (должность сотрудника, вносившего данные), объект (преступление, преступник, уголовное дело и т.д.) и методика фиксации. Без понимания того, как собираются данные, исследователи и аналитики не смогут сделать обоснованных выводов (и с высокой вероятностью сделают ошибочные). Таким образом, без открытия методологии сбора данных развитие новой криминологии невозможно.

В-четвертых, необходимо развивать *современные технологии анализа данных*. На первом этапе это должно быть выстроено через развитие междисциплинарного взаимодействия представителей юридической науки, социальных и компьютерных наук в сфере анализа криминологических данных. Обоснованный вывод, имеющий практическое значение, возможен только на основе детального анализа с опорой на современные статистические методы. До тех пор, пока большинство экспертов не могут не только воспользоваться такими методами, но даже понять текст, написанный на основе результатов использования этих методов, развитие современной количественной криминологии невозможно.

В-пятых, необходимо создавать условия для практической интерпретации и применения полученных академических и аналитических результатов. В основе всей правоохранительной работы и принимаемых решений должна лежать стратегия уголовной политики, которая четко определяет приоритеты в сфере уголовного преследования, иерархизирует более и менее общественно-опасные явления, устанавливает средне- и долгосрочные цели. Ее разработка — первоочередная задача. Перед принятием любого решения в сфере уголовной репрессии необходимо соотносить каждую меру с двумя группами вопросов (ответы на них обязательно должны присутствовать в пояснительной записке к любому законопроекту):

- как это соотносится с общественными целями и долгосрочным видением в сфере противодействия преступности (стратегией уголовной политики);
- как это соотносится с объективной реальностью работы правоохранительных органов и эмпирическими данными о преступности.

При этом Россия сегодня находится в уникальной ситуации. У нас сформированы все условия для разработки максимально эффективной, лучшей в мире уголовной политики, основанной на данных:

- в России в статистических карточках правоохранительных и судебных органов собирается очень много информации об обращениях граждан, ходе расследования, характеристиках преступления, преступника, решении суда (сотни характеристик для каждого события);

- эта информация собирается по единым образцам и хранится централизованным образом (преимущественно в электронном машиночитаемом виде);
- работа по заполнению большинства этих карточек эффективно контролируется.

Однако есть несколько вполне преодолимых препятствий:

- данные в подавляющем большинстве случаев недоступны исследователям;
- ведомственные практики сбора и хранения информации таковы, что данные о преступности перед анализом требуют масштабной «чистки» от ошибок их неправильного или неоднообразного ввода;
- существующие в ведомствах технологии анализа данных, как правило, сводятся к простой агрегации, современные методы анализа, которые позволяют выявлять сложные связи и, в отдельных случаях, причинность событий, не используются.

В перечисленных пунктах кроется ключевое отличие вызовов, стоящих перед современной российской криминологией, от вызовов мировой криминологии. В большинстве стран Европы и Северной Америки исследования причин преступности и ее связи с различными социальными факторами развиваются десятки лет. Такие исследования многочисленны, высокопрофессиональны и позволили сформироваться большому количеству научных школ. В то же время данные, на которые опираются эти исследования, основаны либо на ограниченной и агрегированной ведомственной статистике, не позволяющей проводить полноценный анализ, либо на затратных альтернативных способах сбора данных о преступлениях (интервью, исследовательских опросах, выборочных исследованиях и т. д.). Российская ситуация выглядит ровно противоположной: вкуче с огромными и детализированными наборами данных о преступности в стране почти отсутствует практика анализа и интерпретации таких данных. Поэтому положения настоящего текста актуальны только для современной России и иных стран постсоветской правовой семьи.

Развитие количественной криминологии невозможно без одновременного и связанного развития качественных и теоретических исследований. Такие исследования позволяют интерпретировать количественные данные, а также задавать и уточнять вопросы к этим данным. Без таких исследований количественный анализ становится необоснованным и оторванным от реальности на стадии формирования выводов и формулирования практических приоритетов.

Рассмотрим несколько примеров цикла «данные — анализ — приоритеты уголовной политики — практические решения». Это позволит показать, как уже сейчас на существующих данных можно анализировать ситуацию и принимать обоснованные решения, дающие возможность улучшать правоохранительную работу. Предлагаемые примеры касаются нескольких тем — как давно дискутируемых в мировой криминологии, так и относительно специфичных для России — и показывают разную логику работы. Первый пример касается проблем понимания общей ситуации, второй ориентирован на частный случай определения приоритетов для уголовной политики, третий демонстрирует, как можно выявлять логику работы правоохранительных органов, ее возможные сбои и принимать решения о том, как корректировать практику правоохранительной деятельности.

Пример 1. Статистика убийств. Один из важнейших индикаторов безопасности и социального благополучия общества, используемый в криминологии, — количество убийств на 100 тыс. чел. населения страны. Под убийством понимаются любые осознанные насильственные действия, которые привели к смерти жертвы. Существует давний спор о юридическом и криминологическом различии умышленных и непредумышленных убийств, восходящий еще к 1960-м гг. и продолжающийся до сих пор (Кауе 1967; Mitchell 1998). Статистика убийств используется как национальными правоохранительными ведомствами для оценки эффективности своей работы и благополучия общества, так и международными организациями, такими как отдельные организации в семье ООН, для сравнения разных стран по этому показателю и, соответственно, сравнения работы правоохранительных ведомств в этих странах. Ловушка в том, что собственно «убийством» как конкретным составом преступления в разных странах называются разные вещи. Но для международных сравнений и для понимания криминальной ситуации в обществе, для выстраивания уголовной политики важно именно знание о количестве смертей, ставших результатом насилия. При этом не столь важно, будет ли это «изнасилование, повлекшее смерть», собственно «убийство» или «нанесение тяжких телесных повреждений, повлекшее смерть». Именно информация о количестве смертей, ставших результатом преступного насилия, критически важна для современного криминологического анализа.

По данным Управления по наркотикам и преступности (УНП) ООН за 2014 г., в России в год совершается 13 681 убийств, или 9,2 убийств на 100 тыс. чел., но эта цифра формируется из данных, которые представляют национальные органы. Кроме того, мы не знаем точно, какие именно данные предоставляются Россией в международные структуры (Данные Управления по наркотикам и преступности ООН... 2014). На национальном уровне же — при анализе статистических сборников МВД РФ о состоянии преступности в России за выбранные месяцы определенного года — невозможно восстановить число убийств в России по трем причинам.

Во-первых, МВД публикует только агрегированные данные, причем сливая в один показатель как убийства (ст. 105 УК РФ), так и покушения на убийства. Без доступа к дезагрегированным первичным данным о количестве уголовных дел (которые в данный момент недоступны никому кроме самого МВД) нельзя сказать, сколько вообще было совершено преступлений и возбуждено уголовных дел по отдельной статье, связанной с убийством.

Во-вторых, само убийство в российском законодательстве понимается не как любая насильственная смерть. Статья 105 УК РФ, по которой квалифицируют убийства, требует доказательства умысла — наличия интеллектуально-волевого стремления причинить смерть (прямой умысел) или безответственно игнорировать возможность ее наступления в результате действия либо бездействия субъекта преступления (косвенный умысел) (Рарог 2006, 90–91). На практике чаще всего при квалификации деяния как убийства внимание обращается на орудия преступления, например кухонный нож или топор, поскольку убийца, используя их, не мог не понимать, что его действия приведут к смерти. Если же следователь не может доказать умысел (например, «в пьяной драке один побил другого ногами», и человек в тот же день скончался из-за нанесенных повреждений), то такое преступление

будет квалифицировано уже по ч. 4 ст. 111 УК РФ — нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего. Помимо этого, существуют и иные статьи УК, которые квалифицируют преступления, связанные с убийством, например, ст. 131 УК РФ «Изнасилование», ч. 4 которой квалифицирует преступления, где изнасилование повлекло по неосторожности смерть потерпевшей. Соответственно, в ведомственной статистике такие преступления, которые фактически привели к смерти потерпевшего из-за намеренных насильственных действий преступника, будут квалифицированы по другой статье и не попадут в итоговую статистику убийств.

В-третьих, сама ст. 105 УК РФ «Убийство» используется также для квалификации преступлений, в которых насильственная смерть была причинена нескольким людям. Таким образом, в итоговой статистике одним убийством может считаться насильственная смерть нескольких человек.

Существующая на сегодняшний день в России система агрегации данных по убийствам не позволяет уверенно сказать, сколько убийств происходит на самом деле. Поскольку международные организации (такие как упомянутое УНП ООН) основывают свои исследования на данных национальных правоохранительных ведомств, можно утверждать, что количество убийств в России достоверно не известно в силу сложности и закрытости системы статистического учета. В этих условиях важным приоритетом уголовной политики является открытие данных первичного учета преступлений и реформирование механизма статистического учета.

Казалось бы, само по себе несовпадение структуры национальной статистики с общемировой не должно создавать проблем. Однако это не так. Для выстраивания адекватной уголовной политики крайне важно понимать уровень криминальной смертности и ее структуру. Мы должны понимать, как, кто и кого лишает жизни, поскольку только это позволяет соотнести структуру таких преступлений с предыдущей профилактической работой или судимостями за другие преступления, определить, например, связь убийств с домашним насилием и понять, насколько в России домашнее насилие склонно развиваться в убийства, и, соответственно, оценить меру общественной опасности домашнего насилия.

Пример 2. Анализотягчающих и смягчающих обстоятельств: случай опьянения. Эмпирически обоснованная уголовная политика должна ставить вопросы о том, как конкретные обстоятельства совершения преступления связаны с потенциалом рецидива, степенью общественной опасности и т. д. Отвечать же на них следует с использованием данных о криминальной истории преступников и роли правоохранительных и судебных органов в этой истории. Конкретный случай, который может проиллюстрировать данный сюжет, — совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения. Если взять два преступления, где при прочих равных один преступник был трезв, а другой находился в состоянии алкогольного опьянения в момент совершения преступления, то как состояние алкогольного опьянения должно повлиять на выносимое судом решение? Такой анализ еще не проведен, но мог бы показать, что люди, которые совершают преступление в состоянии алкогольного опьянения, с большей вероятностью совершат рецидив, нежели те, кто не был в состоянии опьянения в момент совершения преступления. Тогда практическим применением такого анализа могла бы стать научно обоснованная

практика более жесткого наказания подсудимых, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения.

Анализ 5 млн судебных решений судов общей юрисдикции за 2009–2013 гг. в России показывает, что почти четверть (24 %) подсудимых по уголовным делам в момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения. При вынесении приговора судья, пользуясь данной ему дискрецией, руководствуется большим набором разных характеристик подсудимого — наличием работы и характеристики с нее, семейным положением, наличием предыдущей судимости. Это и многое другое влияет на то, какое решение вынесет суд и какое наказание понесет подсудимый.

Тема влияния социальных характеристик преступников на то, как именно их следует наказывать, имеет большое практическое значение — и с точки зрения специальной превенции, и с точки зрения бюджета. Например, имеет ли смысл выносить более суровые наказания для преступников, если эти наказания фактически не снижают вероятность совершения повторного преступления и одновременно увеличивают бюджетное бремя государства, вынуждая содержать больше людей в колониях и тюрьмах?

Другой возможный сценарий — когда человек в состоянии опьянения не до конца отдает себе отчет в своих действиях и после совершения преступления раскаивается в нем (особенно по сравнению с тем же преступником, который преступил закон в трезвом состоянии). Возможно, такой преступник с меньшей вероятностью будет совершать повторные преступления, в таком случае суд должен учитывать состояние алкогольного опьянения не в качестве отягчающего обстоятельства.

Анализ упомянутых 5 млн судебных решений показывает (табл. 1), что для подсудимых, обвиняемых в совершении преступлений в состоянии алкогольного опьянения, это преступление чаще является рецидивным, чем для подсудимых, обвиняемых в совершении преступления в трезвом состоянии.

Таблица 1. Сопряженность криминальной истории подсудимого и состояния, в котором он находился в момент совершения преступления (данные Института проблем правоприменения)

Состояние, в котором было совершено преступление	Криминальная история подсудимого		Всего
	Первое преступление	Рецидив	
Трезвость	3 334 407 (88 %)	448 887 (12 %)	3 783 294 (100 %)
Алкогольное опьянение	1 055 399 (83 %)	203 080 (16 %)	1 258 479 (100 %)

Однако полноценное исследование такого рода должно было бы учитывать большое число сопутствующих факторов, таких как социальное положение подсудимого, квалификация и тяжесть преступления и многое другое. Общая логика исследования позволила бы понять, как максимизировать эффективность уголовного преследования и минимизировать его издержки в случае вынесения приговоров по делам, где подсудимый (не) был в состоянии алкогольного опьянения в момент совершения преступления.

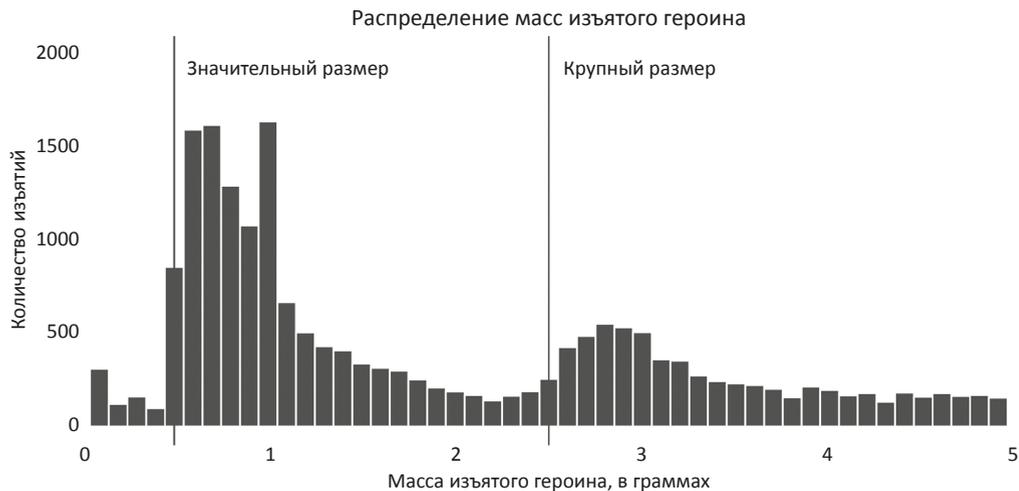

Рис. 1. Распределение массы изъятого героина по 29 773 зарегистрированным преступлениям (ст. 228 УК РФ) за 2013–2014 гг.*

* Вертикальными линиями отмечены границы значительного и крупного размера, в соответствии с которыми квалифицируется тяжесть преступления. Из всех преступлений, зарегистрированных по ст. 228 УК РФ за 2013–2014 гг., рассмотрены только те, в которых: 1) ведомством, зарегистрировавшим преступление, было МВД; 2) одним из изъятых наркотиков был героин; 3) масса изъятого героина находилась в интервале от 0 до 5 грамм (не включительно).

Пример 3. Диагностика работы ведомств: случай противодействия наркопреступности. Один из примеров того, как при помощи данных можно увидеть работу правоохранительной системы в действительности, дает анализ дезагрегированной статистики по изъятиям наркотиков. Мы проанализировали данные по всем наркопреступлениям (ст. 228 УК РФ) за 2013–2014 гг., где изъятим наркотиком был героин (ст. 228 является самой распространенной при квалификации наркопреступлений, а героин — наиболее часто изымаемым наркотиком) (Кнорре и Скугаревский 2015, 24). Отобразив графически распределение массы изъятого (рис. 1), мы можем наблюдать три пика. Первый, крайний слева пик представляет, по-видимому, реальную индивидуальную дозу, но два других пика странным образом находятся рядом с массами, определяющими квалификацию данного преступного деяния в постановлениях Правительства РФ, соответствующих значительно-му и крупному размеру, который связан с тяжестью преступления.

Данный график можно интерпретировать двояко. С одной стороны, судя по пикам, торговец или потребитель героина чаще носит при себе как раз подходящее количество наркотика для квалификации по той или иной части статьи, соответствующей размеру изъятого, и реже — столько героина, чтобы его немного не хватало до размера. С другой стороны, привычка носить героин именно такой массы бесполезна и даже вредна для потребителей и торговцев — в таком случае пики были бы перед границами, и рациональной стратегией транспортировки наркотиков было бы иметь с собой ровно ту массу, которая немного не доходила бы до следующего размера. Поэтому, скорее всего, сами правоохранители манипулируют

массой изымаемого героина с целью улучшения показателей ведомственной статистики.

Проведенный анализ показывает, что работа правоохранителей сильно опосредована и даже определена теми показателями и границами массы наркотиков, которые задают дальнейшую работу правоохранительной системы с этими преступлениями. С одной стороны, это позволяет задать вопрос о том, какие инструменты для манипуляции такой статистикой есть у сотрудников правоохранительных ведомств на «низовом» уровне, с другой — дает нам возможность увидеть реальность рутинной работы уголовной системы (в данном случае — при борьбе с наркотиками) и скорректировать уголовную норму таким образом, чтобы стимулов для манипуляций с массой наркотического вещества и, соответственно, квалификацией преступления у сотрудников было меньше.

Практическим решением для уголовной политики в данном случае могли бы стать исключение привязки эффективности полицейских к пороговым размерам изъятого и их ориентация на общую массу изъятого действующего вещества за период. Это практически уберет стимулы по таким натяжкам, которые ухудшают положение подсудимого ради улучшения отчетности.

Библиография

- Angrist, J., and J.-S. Pischke. 2010. "The credibility revolution in empirical economics: How better research design is taking the con out of econometrics". *Journal of Economic Perspectives* 24 (2): 3–30.
- Becker, G. 1968. "Crime and Punishment: An Economic Approach". *Journal of Political Economy* 76 (2): 169–217.
- Dharmapala, D. 2016. *The 'Credibility Revolution' in Empirical Law and Economics. Coase Lecture in Law and Economics. University of Chicago Law School*. Дата обращения 17 ноября, 2016. <http://www.law.uchicago.edu/video/dharmika-dharmapala-credibility-revolution-in-empirical-law-and-economics>.
- Kaye, J. M. 1967. "Early history of murder and manslaughter". *Law Quarterly Review* 83: 365–395, 569–601.
- Mitchell B. 1998. "Public perceptions of homicide and criminal justice". *British Journal of Criminology*: 38 (3): 453–472.
- Данные Управления по наркотикам и преступности ООН по Российской Федерации*. 2014. Дата обращения 1 июля, 2017. <https://data.unodc.org>.
- Кнорре, Алексей, Дмитрий Скугаревский. 2015. *Как МВД и ФСКН борются с наркотиками: сравнительный анализ результативности двух ведомств: аналитическая записка*. Дата обращения 17 ноября, 2016. http://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/FSKN_MVD_memo_2015_web.pdf.
- Кудрявцев, Владимир Н. 2002. *Избранные труды по социальным наукам: Криминология, социология, конфликтология*. М.: Наука.
- Рарог, Алексей И. 2006. *Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие*. М.: Издательство «Проспект».

Статья поступила в редакцию 25 октября 2017 г.,
рекомендована в печать 30 ноября 2017 г.

Контактная информация:

Титаев Кирилл Дмитриевич — канд. соц. наук; ktitaev@eu.spb.ru
Скугаревский Дмитрий Анатольевич — PhD; dskougarevsky@eu.spb.ru
Кнорре Алексей Викторович — aknorre@eu.spb.ru
Кудрявцев Владимир Евгеньевич — vkudyavtsev@eu.spb.ru
Шклярук Мария Сергеевна — канд. экон. наук; mshklyaruk@eu.spb.ru

A New Quantitative Criminology Manifesto: Evidence Based Criminal Justice Policymaking

K. D. Titaev, D. A. Skougarevskiy, A. V. Knorre, V. E. Kudryavtsev, M. S. Shklyaruk

European University at Saint-Petersburg, 6/1-A, ul. Gagarinskaya, St. Petersburg, 191187, Russian Federation

For citation: Titaev, Kirill D., Skougarevskiy, Dmitriy A., Knorre, Alexey V., Kudryavtsev, Vladimir E., Shklyaruk, Maria S. 2018. "A New Quantitative Criminology Manifesto: Evidence Based Criminal Justice Policymaking". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 91–101. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.107>

The Institute for the Rule of Law together with Centre for Strategic Research has written "A New Quantitative Criminology Manifesto: Evidence Based Criminal Justice Policymaking". This paper stresses the importance of new technologies and approaches to data analysis in criminology research geared toward evidence-based policymaking. This manifesto demonstrates how quantitative methods can be used to get new insights into the nature of crime and the formulation of Russian criminal justice policy.

Keywords: criminology, statistics, quantitative methods, credibility revolution.

References

- Angrist, J., and J.-S. Pischke. 2010. "The credibility revolution in empirical economics: How better research design is taking the con out of econometrics". *Journal of Economic Perspectives* 24 (2): 3–30.
- Becker, G. 1968. "Crime and Punishment: An Economic Approach". *Journal of Political Economy* 76 (2): 169–217.
- Dannye Upravleniia po narkotikam i prestupnosti OON po Rossiiskoi Federatsii [Data of the United Nations Office on Drugs and Crime on the Russian Federation]. 2014. Accessed July 1, 2017. <https://data.unodc.org>. (In Russian)
- Dharmapala, D. 2016. *The 'Credibility Revolution' in Empirical Law and Economics. Coase Lecture in Law and Economics. University of Chicago Law School*. Accessed November 17, 2016. <http://www.law.uchicago.edu/video/dharmika-dharmapala-credibility-revolution-in-empirical-law-and-economics>.
- Kaye, J. M. 1967. "Early history of murder and manslaughter". *Law Quarterly Review* 83: 365–395, 569–601.
- Knorre, Alexei, Dmitriy Skougarevskiy. 2015. *Kak MVD i FSKN boriutsia s narkotikami: sravnitel'nyi analiz rezul'tativnosti dvukh vedomstv: analiticheskaia zapiska [How the Ministry of Internal Affairs and the Federal Drug Control Service are fighting drugs: a comparative analysis of the performance of the two agencies: an analytical note]*. Accessed November 17, 2016. http://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/FSKN_MVD_memo_2015_web.pdf. (In Russian)
- Kudryavtsev, Vladimir N. 2002. *Izbrannye trudy po sotsial'nym naukam: Kriminologiya, sotsiologiya, konfliktologiya [Selected works on social sciences: Criminology, sociology, conflictology]*. Moscow: Science. (In Russian)
- Mitchell B. 1998. "Public perceptions of homicide and criminal justice." *British Journal of Criminology*: 38 (3): 453–472.
- Rarog, Alexei I. 2006. *Nastol'naya kniga sud'i po kvalifikatsii prestuplenii: prakticheskoe posobie [A bench book of the judge on the qualification of crimes: a practical guide]*. Moscow: Prospekt Publishing House. (In Russian)

Author's information:

Titaev Kirill D. — PhD; ktitaev@eu.spb.ru

Skougarevskiy Dmitriy A. — PhD; dskougarevsky@eu.spb.ru

Knorre Alexey V. — aknorre@eu.spb.ru

Kudryavtsev Vladimir E. — vkudyavtsev@eu.spb.ru

Shklyaruk Maria S. — PhD; mshklyaruk@eu.spb.ru